

Ирина КАЗНАЧЕЕВА,
Москва — Краков — Москва

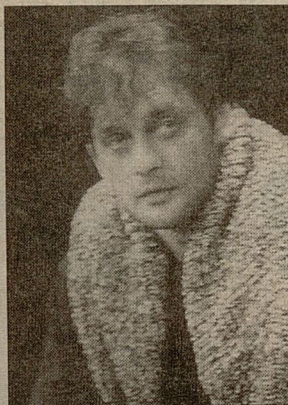
Краков называют театральной столицей Польши. Здесь находится одно из самых древних театральных зданий страны — Старый театр имени Хелены Моджевской, в котором ставили спектакли режиссеры с мировым именем — Анджей Вайда и Конрад Свинарски. А недавно новую страницу в театральную летопись Кракова вписал варшавский режиссер Вальдемар Смигашевич, поставив в театре «Багателя» спектакль «Макбет» по трагедии Шекспира. Главную роль в нем исполнил российский актер Александр Домогаров, покоривший сердца поляков после премьеры художественного фильма «Огнем и мечом» режиссера Ежи Гоффмана. В России Домогаров известен как красавец Бюсси из сериала «Графиня де Монсоро», как следователь Генеральной прокуратуры Александр Турецкий из детективного телефильма «Марш Турецкого», как Жорж Дюруа из спектакля Театра имени Моссовета «Милый друг», а также как гениальный танцовщик Вацлав Нижинский из спектакля Театра на Малой Бронной «Нижинский, сумасшедший божий клоун». Сила таланта — в способности удивлять, меняться, искать. Повороты творческой судьбы непредсказуемы. Домогаров — человек поступка, действия, что он и доказал своей новой ролью.

Александр Домогаров: «Меня все время кидает из огня да в полымя. Я прекрасно отдавал себе отчет в том, что после такого успеха фильма «Огнем и мечом», который был здесь в Польше, я могу не подняться, сыграв в театре на польском языке. Для меня это был серьезный шаг, но я сделал его специально и целенаправленно, чтобы самому себе доказать, что я и это могу».

Директору театра Яцку Шену первому пришла мысль пригласить прославившегося на всю Польшу российского актера сыграть на подмостках «Багателя». Лучшего подарка театру, который в этом году отмечает свое восьмидесятилетие, как заполучить звезду экрана Домогарова, придумать нельзя. Но «Макбета» Домогаров должен был играть на польском. Театр — особая, отличная от кинематографа стихия, здесь нет дублей.

Домогаров понимал, что любое неправильно произнесенное слово, неверное ударение могут вызвать иронию или неодобрение публики.

А. Д. «Был момент, когда я не мог заставить себя говорить. Это жуткое чувство. Ты понимаешь, выходя на сцену, что тебе надо сказать, и вроде бы не первый год в театре, а получается все шепотом, чтобы тебя никто не услышал. И так было недели

полторы. Но потом мой педагог, с которой я занимался языком, сказала: «Выходим на сцену и произносим текст громко!» А уже к прогону я понял, что знаю пьесу наизусть (в отличие от польских актеров, которые не знали слов), и начал «шарашить» по-польски. Надо было «вговориться» в роль...»

— **А как относились к тебе польские актеры?**

А. Д. «Как в любой труппе, сразу чувствуешь людей с хорошим полем. Некоторые подходили ко мне после репетиций и говорили: «Старый, правильно произносится «первши», «вжичу», «добже», а кто-то лишь снисходительно наблюдал, мол, что взять с иностранца. Хотя я представляю, что было бы, если б какой-нибудь польский актер приехал в Театр имени Моссовета сыграть на русском «Милого друга»...»

Все полтора месяца перед премьерой Александр Домогаров усиленно изучал тонкости произношения и особенности польского языка с педагогом-филологом Юстиной Глэдис. И даже после того как премьера состоялась, каждый божий день перед спектаклем Сашка (как его ласково называла учительница Юстина) скрупулезно, в течение часа проходил роль. А Юстина безжалостно заставляла его снова и снова повторять текст, исправляя ошибки в произношении.

А. Д. «Здесь, в Польше, очень трепетное отношение к звуку, к слову. Люди приходят в театр слушать. Я же пытался объяснить, что театр — это прежде всего энергетика. Это взаимообмен энергией».

Варшавский режиссер Вальдемар Смигашевич не стал акцентировать внимание на исторических аналогиях и вписывать в шекспировский сюжет что-то свое. Он хотел поставить эмоциональный спектакль, обнажить на сцене человеческие страсти, почти первобытные инстинкты, просыпающиеся в людях, которые внешне почувствовали вкус крови, дурманящий аромат власти и свою полную безнаказанность. Преступление

«Макбет» Домогарова в краковском интерьере

Русский актер потряс польскую публику

без наказания. Вирус зла, отравляющий душу. Ритуальный танец войны. Параллели напрашиваются сами собой. В костюмах героев есть современные детали: Макбет в кольчуге из настоящих гильз. Леди Макбет, как амазонка, в мужском костюме из кожи, кажется в той эпохе гостьей из будущего. Она — воплощение зла, венчающего безумную любовь.

Макбет Домогарова страстен, энергичен, импульсивен, как Богун в фильме «Огнем и мечом». Атмосфера этого фильма намеренно воссоздается Смигашевичем в сцене пира во дворце тирана Макбета в начале второго акта. Тем самым режиссер ненавязчиво показывает непрерывность линии зла, и не важно, где происходит события — в Шотландии XI века, в Польше времен польско-украинской войны, в Германии 30–40-х годов. Деспотизм и тирания всегда держались на крови и штыках. Жажда власти стала основным инстинктом наряду с сексуальной жадой обладания.

Данута Стенка, актриса, сыгравшая леди Макбет: «Мы пытались понять, откуда в нормальных, обыкновенных людях берется зло, как оно прорастает в душе и что происходит с людьми, попавшими в его сети».

— **Как вам работало с Домогаровым?**

Д. С. «Это была настолько красивая, интенсивная работа, что мне в определенном смысле уже не так важен результат, как сам процесс. С Сашей легко играть на сцене, я чувствовала себя, как будто я нахожусь дома, с близким человеком. Мой муж, тоже актер, побывав на генеральной репетиции, сказал, что после первых слов, которые произносит Домогаров, ему становится интересно уже не то, как он говорит, а что он говорит. Потому что, слушая Домогарова, заражаешься той необычайной энергией, которая от него исходит».

Макбет и его жена — на них держится спектакль. Остальные — лишь фон для этого демонического страстного дуэта.

А. Д. «Со Стенкой мы сразу нашли общий язык. Она очень темпераментная и энергоемкая, если

можно так выразиться, актриса, с огромным выплеском энергии. У нее сильный характер. Хенрик Тайлор (Банко) тоже очень сильный актер. Во всяком случае, я ощущал его мощное энергетическое поле. А молодые актеры считают, что мне не хватает школы, я же, наоборот, думаю, что школы не хватает им».

Ежедневная борьба за истинность собственного творчества и эмоциональная преданность роли — два качества, по которым Анатолий Эфрос оценивал актеров, в высшей степени присущи Александру Домогарову. Он готов отдавать себя полностью каждый день, пятнадцать спектаклей подряд (в Польше своя система прокрутки спектаклей), играя на самом пике человеческих эмоций. В его Макбете, в большей степени доблестном воине, чем беспощадном убийце, до конца не погублен человек.

А. Д. «Мы говорили о раздвоении личности. Человек вдруг чувствует в себе такую силу зла, что не может совладать с ней. Он ждет кары, а кары нет. Где же кара? А кара наступает в жизни, когда он сам ищет смерти, потому что с таким грузом преступлений жить становится невозможно. Наверное, его можно пожалеть. Все против него. Он остается один».

Когда тиран умирает, его действительно становится жаль. Парадокс? Возможно. Но от этого трагедия человеческой жизни звучит еще трагичнее.

В сцене смерти леди Макбет перед нами не равнодушный злодей, в порыве ярости произносящий: «Не догадалась умереть попозже», а любящий человек, плачущий у тела мертвой жены. Вот он нежно накрывает ее своим плащом, словно она уснула. Пленник роковой страсти, он знает, что его разлука со злым гением своей жизни не будет долгой. Они вместе вершили зло, но каждый из них был одинок в своем злодействе.

...Звучит шотландская волынка. Сцена погружена во мрак. Где-то, словно удары судьбы, раздается бой барабана. Раскачивается вечный маятник жизни.

Кто знает мрак души людской? Вспоминаются словам Гумилева.

«Добро есть зло, зло есть добро». Как понять эту странную, пророческую формулу, открытую Шекспиром?

Наверное, просто надо верить, что зло хоть и вечно, но, слава Богу, не всеильно. Иначе этот мир уже давно пришел бы к своему концу.

А впрочем, спектакль в драматическом театре человеческой жизни еще не окончен:

*Это было весной, на рассвете
Он читал мне отрывки «Макбета»,
Удивилась я сходству сюжета
С жизнью, где всюду развал:
Парадокс, становящийся нормой.
Содержание сражается с формой.
Пьесы этой страшной, беспронной,
До сих пор не известен финал...*

В краковском театре «Багателя» сыгран последний, пятнадцатый спектакль в этом сезоне. Посмотреть «Макбета» приезжали из разных городов страны. И каждый раз польская публика стоя аплодировала актерам. Спрашиваю: «Как вам русский артист?» — «Молодец, мы его обожаем!», «Он нам очень нравится. И его польский язык. Домогаров очень романтичный, мудрый, хороший актер. Мы его сравниваем с французскими актерами Жераром Филипом, Аленом Делюном. Мы думаем, что он победил!»

Возле служебного выхода Александра Домогарова всегда ждут поклонники, дарят цветы, кричат: «Богун, Макбет, мы тебя любим!»

— **Твои творческие планы связаны в основном с Польшей?**

А. Д. «Спектакли здесь запланированы до марта 2001 года, впереди фестиваль, октябрьский и мартковский блоки, а потом, возможно, будет еще запускаться картина «Макбет». В Москве в театре мне, к сожалению, ничего серьезного пока не предложили. А так с удовольствием бы порепетировал какую-нибудь пьесу».

— **Классическую или современную?**

А. Д. «Не важно, пьесу бы найти хорошую».

Конечно, в Москве у Домогарова тоже немало интересных и ярких ролей и в театре, и в кино. Однако на родине ему так и не встретился знаменитый режиссер, одно громкое имя которого обеспечило бы актеру известность и славу. Он достиг всего сам. А легендарного режиссера Александр все же встретил. Ежи Гоффмана. Но не в России. В Польше. «Любить надо своих героев», — неоднократно повторял Михаил Афанасьевич Булгаков. Любить и, главное, ценить и беречь.